(cc) BY

Хентонен Анна Геннадьевна
канд. пед. наук, доцент
Басина Полина Александровна
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ «ЗУМЕРОВ» И «БУМЕРОВ»: РАЗНЫЕ ЦИФРОВЫЕ СРЕДЫ КАК ПРИЧИНА РАЗРЫВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: *в статье исследуются причины возникновения межпоколенческих противоречий между группой «зумеров» (рождённые после 1997 г.) и «бумеров» (период рождения 1946–1964 гг.) сквозь призму различий в используемых цифровых средах. Выполнен анализ эволюции содержания понятий «цифровая экосистема» и «историческая память» в современном социогуманитарном знании. Рассматривается взаимное влияние указанных феноменов как базового механизма формирования ценностных расхождений и коммуникативных барьеров между поколениями. Отдельное внимание уделяется моделям трансляции исторического опыта в условиях цифровой фрагментации. Раскрываются сущностные характеристики и структурные элементы цифровой социализации каждого из поколений, а также возможные условия выстраивания общего смыслового поля в диалоге поколений.*

Ключевые слова: *поколение Z, поколение бумеров, цифровая среда, историческая память, межпоколенческий конфликт, цифровое неравенство, историческое сознание.*

Современное общество демонстрирует беспрецедентную по своим темпам трансформацию моделей коммуникации, что напрямую связано с тотальной цифровизацией повседневности и образования. На стыке различных технологических укладов закономерно возникает глубокий разрыв между когортой «бумеров» (люди, появившиеся на свет в 1946–1964 годах) и поколением «зумеров»

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(родившиеся в интервале 1997–2012 гг.). Указанный разрыв фиксируется не только в предпочтениях относительно технических устройств или форматов потребления контента, но затрагивает гораздо более фундаментальные структуры – способы конструирования, удержания и передачи исторической памяти. Бумеры застали и активно использовали аналоговые медиа, линейное телевещание и культуру печатной книги. Зумеры же с первых лет жизни погружены в среду, где доминируют алгоритмические ленты, эфемерный контент и клиповые форматы. Данное обстоятельство порождает не просто бытовое недопонимание, а системный конфликт исторических нарративов, при котором один и тот же факт прошлого получает полярные, а подчас и взаимоисключающие трактовки.

Классическое понимание исторической памяти, развитое в работах П. Рикёра [4] и Ю. Хабермаса [5], предполагало устойчивую межпоколенческую преемственность через такие институты, как семья, школа и государственные медиа. Однако, как справедливо отмечает М.К. Горшков, «цифровая среда подрывает монопольное положение традиционных институтов в вопросах интерпретации прошлого, порождая множественные и зачастую конкурирующие версии событий» [3, с. 112]. У зумеров постепенно формируется феномен, который можно обозначить как «клиповая историческая память» – совокупность разрозненных, эмоционально заряженных образов, мемов и коротких нарративов, утративших хронологическую связность, но обладающих высокой степенью виральности. Бумеры же в своём большинстве сохраняют приверженность линейным, причинно-следственным конструкциям, опирающимся на личный жизненный опыт и доверие к институциональным источникам. Эта разница порождает когнитивный диссонанс при попытках обсуждения ключевых событий XX – начала XXI века.

Цифровая среда здесь выступает не нейтральным посредником, а активным агентом, конструирующим различия. Анализ исследований Д. Бойд [6] показывает, что бумеры склонны рассматривать интернет прежде всего как инструмент – средство для проверки почты, чтения новостных порталов, целенаправленного поиска информации. При этом они сохраняют достаточно высокий уровень критического отношения к контенту, основанный на априорном доверии к

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

институциям [7]. Зумеры, напротив, существуют внутри платформ (TikTok, Telegram, Discord и другие мессенджеры), где критерием истинности сообщения становится не его соответствие документальным фактам, а количество реакций, репостов и коллективная валидация со стороны референтной группы сверстников [6, с. 67]. По выражению Н. Хомского, подобная ситуация ведёт к «эпистемическому кризису», когда место эксперта занимает лидер мнений, не обязательно обладающий специальными знаниями.

Сам конфликт поколений в данной парадигме приобретает нетривиальную форму. Бумеры, как правило, обвиняют зумеров в исторической безграмотности, нигилизме и утрате связи с культурными корнями. Зумеры же, в свою очередь, воспринимают старшее поколение как носителей устаревших, идеологически ангажированных мифов, неспособных к саморефлексии и принятию новой информационной реальности. Е.Н. Зарецкая подчёркивает: «разрыв в исторической памяти – это не просто дефицит фактических знаний, это конфликт способов легитимации знания» [1, с. 89]. Парадоксальным образом обе стороны считают именно себя носителями «подлинной» версии прошлого, а оппонента – объектом манипуляции со стороны скрытых сил.

Можно выделить несколько ключевых факторов, систематически углубляющих данный разрыв. Первый фактор – алгоритмические фильтры («пузыри») и персонализированные ленты, которые формируют у зумеров индивидуализированную историю без неудобных фактов и альтернативных трактовок. Это создаёт у пользователя иллюзию всеобщего консенсуса там, где реально присутствуют сложность и многоголосица. Второй фактор – постепенное исчезновение институциональных посредников: школа и семья утрачивают монополию на трансляцию исторического опыта, уступая место блогерам, тематическим пабликам и мемным аккаунтам. Третий фактор – различная скорость устаревания информации. Бумеры привыкли оперировать долгоживущими нарративами, рассчитанными на десятилетия. Для зумеров же актуален контент преимущественно последних 48 часов, что делает практически невозможным полноценный диалог о событиях даже тридцатилетней давности.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Теоретическое осмысление проблемы позволяет предложить некоторые направления для смягчения и последующего преодоления конфликта. Прежде всего, необходима рефлексия самого феномена «цифрового разрыва памяти» не как моральной проблемы, а как системного вызова. Как отмечает Т.П. Баркова, «технологии геймификации и совместные цифровые проекты (например, создание семейных медиаархивов, документальных подкастов или краудсорсинговых исторических карт) способны создать точки пересечения интересов разных поколений» [2, с. 73]. Существенную роль здесь играют образовательные программы по медиаграмотности, которые должны быть адресованы одновременно обеим группам, но с разными акцентами: бумеров необходимо обучать пониманию логики работы алгоритмов и новых платформ, а зумеров – методам критической проверки источников и работе с длинными нарративами.

Кроме того, продуктивным видится отказ от риторики «победителя» в межпоколенческом конфликте и переход к модели «интегративной исторической памяти». В рамках такой модели ценятся как нарративная связность и глубина (сильные стороны опыта бумеров), так и репрезентационная гибкость, умение работать с разными форматами (навыки зумеров). Конкретными примерами могут служить волонтёрские проекты по совместной оцифровке семейных архивов, запись видеоинтервью с ветеранами и пожилыми родственниками в коротких форматах для социальных платформ, организация межпоколенческих дискуссионных клубов с последующей рефлексией.

Таким образом, конфликт поколений «зумеров» и «бумеров» в области исторической памяти представляет собой закономерное следствие глобальной цифровой трансформации, а не случайное недоразумение. Его сущность лежит не в естественном возрастном антагонизме, а в объективной несовместимости когнитивных стилей и способов верификации истины, сформированных принципиально разными медиасредами. Решение проблемы находится не в плоскости возврата к «старым добрым» аналоговым практикам и не в безоговорочной капитуляции перед алгоритмами, а в создании межпоколенческих гибридных пространств. В таких пространствах линейный, причинно-следственный нарратив

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

встречается с интерактивностью, а документальный факт – с эмпатией и живым диалогом. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку и апробацию конкретных методик межпоколенческого взаимодействия в условиях ускоряющейся технологической эволюции, а также на долгосрочное изучение эффектов алгоритмического опосредования исторического сознания у молодёжи.

Список литературы

1. Зарецкая Е.Н. Цифровые поколения и историческая память: конфликт нарративов / Е.Н. Зарецкая // Социологические исследования. – 2023. – №4. – С. 85–96.

2. Баркова Т.П. Геймификация памяти: как вовлечь зумеров в сохранение истории / Т.П. Баркова // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30. №8. – С. 68–79.

3. Горшков М.К. Молодёжь России в зеркале цифровой эпохи: ценностные расколы / М.К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 288 с.

4. Рикёр, П. Память история, забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

5. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2017. – 417 с.

6. Boyd D. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New Haven: Yale University Press, 2014. 296 p.

7. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy. N.Y.: Atria Books, 2017. 352 p.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)